

Глава 5

Как Россия спасла Европу и что ей за это было

Око за око, зуб за зуб, строгое право... принцип утилитарности, то есть здраво понятой пользы, — вот закон внешней политики, закон отношений государства к государству. Тут нет места закону любви и самопожертвования.

Н. Я. Данилевский

Заграничный поход русской армии 1813 года и освобождение Европы были продолжением той губительной для России политики, которую проводил Александр I с самого восшествия своего на престол. Серьезные доводы Кутузова, прозорливо предлагавшего «сохранить» Бонапарта, он не хотел слышать. Удивляться этому не нужно, надо снова и снова вспоминать обстоятельства воцарения этого русского императора. Поэтому, разбив Бонапарта, остановиться на своей границе Александр не может — ведь Англии необходимо добить своего смертельного врага. Вот как интересно получается — антинациональная внешняя политика, оказывается, возможна и при всеильном самодержце...

Забегая вперед, скажем, что в 1814 году под влиянием «поразительных успехов» Александра I

Государственный совет, Синод и Сенат поднесли государю прошение о принятии им наименования «Благословенный». Хотя Александр и не изъявил на то согласия, оно было ему впоследствии официально присвоено. По моему мнению, он был бы более достоин почетного знака «Лучшему немцу всех времен и народов», ведь благодаря его глупости Пруссия, да и вся остальная лоскутная Германия были спасены от Наполеона. Почти два века спустя это «почетное» звание получит Михаил Сергеевич Горбачев, в ущерб собственной державе молниеносно воссоединивший все ту же Германию и сделавший все, чтобы его Родина оказалась разделенной...

В январе 1813 года русские войска вновь стояли на границах России. Кутузов обратился к армии с воззванием: «Храбрые и победоносные войска! Наконец вы на границах империи! Каждый из вас есть спаситель Отечества! Россия приветствует вас сим именем! Стремительное преследование неприятеля и необыкновенные труды, поднятые вами в сем быстром походе, изумляют все народы и приносят вам бессмертную славу... Перейдем границы и потщимся довершить поражение неприятеля на собственных полях его...»

Перед русской армией простиралась прусская территория и Варшавское герцогство. Заграничный поход начался. Помогать русским освобождать себя от владычества французов европейцы не собирались¹. В таких условиях «освободительный» поход терял всякий смысл. Но для интересов Англии поход русской армии в Европу был правилен и разумен. Наша армия продолжает воевать в одиночку.

¹ Практически как и во время Второй мировой.

Она хоть и разгромила Наполеона, но была чрезвычайно ослаблена. Осаждая несколько городов, главные силы Кутузова составляли всего 18 тысяч человек. Конечно, для борьбы с Бонапартом, у которого, как у дракона из сказки, к весне начинали вырастать новые зубы — армии, этого было явно недостаточно. Пришло время поговорить с нашими «союзниками» на языке не пушек и штыков, а дипломатов. Конечно, было бы гораздо удобнее, если бы немцы и австрийцы сами начали воевать за свою свободу. Правда, за последнее время прусский король Фридрих Вильгельм так часто продавал своих союзников, что предсказать его поведение было невозможно. Поэтому первые переговоры провели, как теперь сказали бы, «с полевыми командирами». Генерал Дибич был послан из корпуса графа Витгенштейна с целью вступить в переговоры с прусским генералом Йорком и побудить его перейти на русскую сторону. Переговоры прошли успешно. Генерал согласился оставить французов и расположиться в окрестностях Тильзита, сохраняя полный нейтралитет.

Известие об этом сильно встревожило Наполеона. «Мир казался мне очень возможным прежде отпадения генерала Йорка, — говорил он. — Теперь я больше о нем не думаю — поступок Йорка вскружит русскому кабинету голову, это великое политическое событие!» В воздухе запахло очередной антифранцузской коалицией: англичане уже расстегивали свой бездонный кошелек, соблазняя прусского короля звоном монет. Ласковым дядечкой пришлось прикинуться и Наполеону. Он стал делать весьма прозрачные намеки о возможности присоединения к Пруссии

части Вестфалии и Варшавского герцогства, напугав своей неожиданной щедростью и без того потерявшегося Фридриха Вильгельма. И случилось то, чего можно было ожидать. **Вместо того чтобы возглавить свой народ в освободительной войне с Наполеоном, прусский король стал выжидать, предоставляя русским умирать за него в одиночку.**

Не смея принять решение, глава Пруссии попытался обмануть и русских, и французов. Он осудил вступившего в переговоры с русскими Йорка и послал генерала Клейста сменить его, одновременно предупредив об этом самого Йорка. Императору Александру дал знать, что одобряет поступок своего генерала, только не может этого признать официально. Но если Россия двинет свои войска через Вислу до Одера, то Пруссия готова заключить с ней оборонительный и наступательный союз. В то же время другой его посланник уверял Наполеона, что самое сильное желание прусского монарха — это как можно скорее сформировать для французов новый вспомогательный корпус взамен перешедшего к русским. Единственным препятствием этому является отсутствие денег, да и общественное мнение настроено против Франции. Поэтому прусский король просит Бонапарта помочь ему финансами и тем избавить от угрозы революции.

Так бы и мучился несчастный прусский король, не зная, к кому выгоднее «прислониться», если бы за него все не решил Бонапарт. Фридрих Вильгельм получил информацию, что французы хотят его захватить, и уехал (а точнее, бежал) из Потсдама в Силезию. Но предлогом к отъезду все еще является, что король едет лично собирать войска для вспомогательного корпуса Наполеону. **Даже**

избежав угрозы, зная о замыслах Бонапарта, прусский король не делает никаких прорусских заявлений и войну Франции не объявляет. Император Александр пишет ему письма, в которых предлагает союз и восстановление Пруссии в прежнем виде. Но и после этого бросить вызов Наполеону прусский король решиться не может. **Невероятно, но на уговоры прусского короля начать войну за его собственную свободу ушло около двух месяцев.**

Одному ему начинать страшно — Фридрих Вильгельм посылает посланцев, чтобы уговорить еще и Австрию выступить против Наполеона. Венский кабинет, несмотря на разгром, постигший Бонапарта в России, хранит ему поразительную верность. Австрийцы совсем не собирались бороться за свою свободу. В январе, когда вся Восточная Пруссия была очищена русскими войсками от французов, они еще раз продемонстрировали свою преданность Наполеону. Австрийский генерал Шварценберг эвакуировал Варшаву и вместе с польским маршалом Понятовским отступил в Галицию.

Вот и теперь, когда трусливый прусский король призвал к совместному удару в спину Бонапарта, в Вене это предложение отклонили. Однако, видя ослабление Франции, австрийцы более не хотят исполнять и своих союзнических обязательств в отношении Наполеона. Для этого австрийцы предлагают свое посредничество в мирных переговорах. На первый взгляд — благородный порыв, на самом деле — трезвый расчет. Австрийцы прекрасно знают, что Наполеон не готов идти на серьезные уступки. Значит, войну эту Александр I, мечтающий стать освободителем Европы, будет вести в любом слу-

чае, а потому находиться в тоге миротворца удобно и безопасно. В Вене просто-напросто выжидают, собираясь в последний момент встать на сторону сильнейшего. Иллюзий и не следовало питать — каковы «союзники», за чью свободу мы тогда боролись, таковы и их поступки.

Австрийцы остались нейтральными. Бавария, Саксония и прочие мелкие сателлиты Наполеона тоже сохраняли ему верность: русские все так же воевали одни. Слава богу, делали это наши войска успешно. 1 февраля саксонский корпус генерала Ренье был разбит русскими войсками у города Калиша. Вот тут нерешительный прусский король решил, что бороться с Наполеоном для него уже не так рискованно. 16 февраля 1813 года, почти через два месяца (!) после появления наших войск на ее территории, Пруссия заключила с Россией союз. Пруссакки выставляли против Бонапарта «на первых порах» всего 80 тысяч солдат, а Россия обязывалась поставить под ружье не менее 150 тысяч человек и «не полагать оружия до восстановления Пруссии в границах 1806 года». Снова целью войны для России становилось восстановление прусского государства. Одна и та же шутка, повторенная дважды, выглядит уже не смешно, одна и та же политическая ошибка, скопированная через семь лет, пахнет идиотизмом.

К новой коалиции, естественно, тут же примкнули Англия и Швеция. Войска свои на континент они послать не успели, а вот наш император продолжал скрупулезно выполнять условия вредного для страны договора — к середине февраля Россия уже имела в Пруссии 140-тысячную армию и собиралась немедленно двигаться вперед. Кутузов

был, естественно, противником перехода в наступление за Эльбу. «Воротимся с рылом в крови», — говорил он. Но его уже не слушали. Кутузовская осторожность и медлительность снова были не в чести. Боевые действия стремительно разрастались: отбрасывая небольшие французские отряды, 27 февраля Витгенштейн овладел Берлином¹, а 15 марта был взят Дрезден. Русские партизаны произвели налет на Гамбург, где засел маршал Даву. От успехов начинала кружиться голова, однако радоваться было рано. Весной 1813 года Наполеон, собрав новую большую армию, появился в Германии. Победить Бонапарта в открытом сражении всегда было невероятно сложно. Союзники называли его «стотысячником», имея в виду, что любая армия с ним во главе становится больше на сто тысяч бойцов. На свою беду русская армия в это время понесла невосполнимую утрату: 16 апреля в городе Бунцлау скончался Кутузов. Не стало единственного полководца, побеждавшего Наполеона, а его мрачные прогнозы стали быстро осуществляться. Главнокомандующим русско-прусскими силами был назначен Витгенштейн. Положение нового главнокомандующего было не из легких. Под его начальством оказались именитые командиры — Барклай де Толли, цесаревич Константин Павлович, прусский генерал Блюхер. Не имея перед ними достаточного авторитета, вдобавок Витгенштейн испытывал по отношению к Наполеону комплекс неполноценности, чувствуя себя виноватым в чу-

¹ Мы брали Берлин трижды: первый раз во время Семилетней войны, второй раз его взял Витгенштейн в 1813-м, третий раз — в 1945-м.

десном спасении французского императора на Березине. В таком моральном состоянии поражение было делом решенным. В последовавшей битве при Лютцене союзники были разбиты.

После этой победы Бонапарта Вена решила, что пришло ее время получать выгоды от своего нейтралитета. Австрийский министр иностранных дел Меттерних брался восстановить мир между Наполеоном и союзниками и гарантировать союз Франции с Австрией при условии серьезных территориальных уступок со стороны Бонапарта. Расчет был на то, что после поражения русские будут сговорчивыми, а французский император за перспективу сохранения основной части своей империи пожертвует малым, в пользу Австрии, разумеется. Наполеон с безгливостью отказался. 20 мая 1813 года произошла очередная битва под Бауценом, где союзными силами снова командовал Витгенштейн. Результат этого сражения аналогичен предыдущему. Победа осталась опять за Наполеоном, и, преследуя отступающих русских и пруссаков, он двинулся на Берлин. Союзники отступали с боем, задерживая наседающих французов.

Миротворческий запал Австрии был так силен, а желание, не участвуя в войне, приобрести многое так неодолимо, что Вена не оставляла своих попыток «примирить враждующие стороны». И это неожиданно получилось — враждующие стороны приняли посредническое предложение Австрии. 4 июня 1813 года в городе Плейсвице был подписан договор о перемирии. К прочному миру он привести не мог по тем же причинам, что и ранее: неуступчивость Наполеона, одержимость Александра и... английские деньги. Для Австрии затягивание

конфликта было только на руку, ведь купоны Вена могла стричь с обеих сторон. Если кратко выразить суть ее политики, то сказать надо так.

Австрийская дипломатия не хотела ни окончательной победы Наполеона над коалицией, ни окончательной победы коалиции над Наполеоном, которая дала бы лидирующее положение русскому царю.

Торопиться австрийцам было некуда — русский, прусский и австрийский уполномоченные съезжались к 12 июля в Прагу для очередной бесплодной попытки поиска несуществующего компромисса. За кулисами же венские дипломаты взвешивали шансы на победу каждой из сторон. Теперь они решили, что вступление в войну и активные действия принесут больше выгоды, чем мирные предложения. 10 августа 1813 года кончилось перемирие, а на следующий (!) день Австрия объявила Наполеону войну. Было забыто, что Наполеон женат на дочери австрийского императора и что наследником наполеоновского престола являлся его родной внук. Политическая выгода перевешивала сантименты и родственные чувства. Теперь силы коалиции намного превышали силы Бонапарта. Однако решающим фактором для победы такой перевес еще не стал. Чтобы сделать новым «союзникам» приятное, главнокомандующим антифранцузскими силами был назначен австрийский фельдмаршал Шварценберг. Его Наполеон принялся так же громить, как и нашего Витгенштейна. Сразу после прекращения перемирия император-«стотысячник» под Дрезденом одержал одну из самых блестящих своих побед и снова занял город.